

Наставник государства невзначай заметил:

— Ты очень похож на Цзян Цзисина.

Теперь Се Жунцзяо беспокоился не о разведывательной системе Северной Чжоу, а о её будущем.

Он хотел искренне посоветовать Наставнику государства обратиться к двум лекарям, чтобы те полечили ему глаза, но вовремя сдержался, напрягая память, чтобы найти хоть какое-то сходство:

— Это потому, что и учитель, и я практикуем меч?

Если так рассуждать, то в мире найдётся не одна тысяча людей, похожих на Цзян Цзисина.

Заметив лёгкое недоумение на лице юноши, Наставник государства решил подшутить, слегка улыбнувшись:

— Нет, вы похожи тем, что вам суждено принести благо всему миру.

Теперь стало понятно, откуда Цзян Цзинсин научился своим бессмысленным хвастовствам.

Он учился у своего наставника.

Заставить Се Жунцзяо внутренне возмущаться было действительно непросто.

Цзян Цзинсин с досадой произнёс:

— Неужели он не мог сказать пару лишних слов? Разве от этого он потеряет кусок мяса? Если мой меч так легко призвать, разве это не делает меня менее значимым?

— Возможно, стоит подождать, пока учитель принесёт голову главы племён, чтобы похвастаться перед Наставником государства и показать, что твой меч не обычный.

Се Жунцзяо, понимая его с полуслова, понял, что Цзян Цзинсин уже поставил на главе племён клеймо мертвеца.

— Мне сложно сказать, хорошо это или плохо — убить главу племён, но если учитель решил, значит, у него есть свои причины. К тому же глава племён заслуживает смерти. — Се Жунцзяо отложил удочку в сторону, взглянув на Цзян Цзисина. — В любом случае мы вместе отправимся на Северную охоту, и тогда разберёмся с делами в городе Сюанью и с главой племён.

Ивы качались, словно снег, вода в ручье блестела, как волны, весенний ветерок окутывал всё вокруг, цветы на деревьях напоминали дымку. Все эти прекрасные пейзажи теряли свою красоту рядом с ним, становясь лишь фоном.

Не то чтобы они были некрасивы, просто по сравнению с ним они казались менее прекрасными. Как утренняя заря, которая затмевает облака, или луна, которая ярче звёзд, — это было естественно.

Фигура Наставника государства постепенно исчезала, а черты лица Се Жунцзяо становились всё яснее.

Последние капли недовольства в сердце Цзян Цзисина исчезли, как и его ненависть после убийства императора Чжоу, растворившись в сиянии пятицветного света.

Когда они были в городке Фулай, ректор был прав, но и не прав.

Пятицветный свет не был знаком его святости, но он был тем, что помог ему стать святым.

Он улыбнулся, произнеся легкомысленно:

— Да, Моло слишком активно вмешивается в дела Девяти Областей. Если меч Бацзи не будет обнажён, он, вероятно, продолжит радоваться, думая, что он заржавел.

В резиденции правителя Фэнлина кто-то тихо усмехнулся:

— Се Чуи бдителен. После этого инцидента наши люди в армии Гуйюань практически бесполезны.

Говоря эти слова с сожалением, в его голосе не было ни капли сожаления, скорее скрытая гордость, как будто он говорил о своей дочери.

Человек, стоящий перед ним, сохранял почтительную позу, осторожно произнося:

— Госпожа — героиня великих дел, она строга в управлении армией, поэтому армия Гуйюань непроницаема.

— Сын правителя слишком вовлечён в это дело, и, возможно, он что-то заметил. Почему бы вам не рассказать ему об этом, чтобы он понял ваши благие намерения?

Тот слегка усмехнулся, с лёгкостью, словно это было неважно:

— Не стоит беспокоиться. Когда всё встанет на свои места, он сам поймёт, не нужно беспокоиться.

Свет лампы в комнате вспыхнул, осветив его волосы, в которых пряталось перо Феникса, красное, как кровь, подчёркивая спокойное выражение лица Се Хуаня, прекрасного, как нефритовая статуя.

Словно за всеми его сложными расчётами стояла полная уверенность в себе, и все препятствия казались ему мелкими, как щепки.

Нет, что-то было не так.

Ночью в загородной усадьбе за несколько ли от Фэнлина царил тишина, лишь цветы и деревья шелестели на ветру. Пройдя по извилистым коридорам, пересекая мостики над ручьями, он открыл дверь, украшенную резьбой и позолотой. Внутри было темно.

Се Жунцзяо спал беспокойно. Несмотря на шёлковый полог над головой, красный коралл у изголовья и благовония, исходящие из золотой курильницы в форме мифического зверя, его лоб оставался нахмуренным.

Лицо Лу Биньфэня, наполненное удивлением в момент смерти, внезапно появилось в его сне.

Он резко сел, открыв глаза!

Что-то было не так!

Лу Биньфэнь в момент смерти выглядел совершенно ошеломлённым, его глаза широко раскрыты, полны изумления.

Это сильно отличалось от его спокойного и уверенного вида, когда он вышел из тюрьмы и впервые увидел Се Хуаня и других.

Лу Биньфэнь не был глупцом. Разве он не понимал, что его ждёт смерть в той ситуации?

Его ужас в момент смерти доказывал, что Лу Биньфэнь боялся смерти.

Когда человек умирает, его слова становятся искренними.

О последних словах говорить не будем.

Но Се Жунцзяо верил, что выражение лица человека в момент смерти самое правдивое, его невозможно скрыть.

Он опустил глаза, предполагая, что спокойствие Лу Биньфэня не было притворным, а его ужас в момент смерти был настоящим. Оставалось только одно объяснение.

Лу Биньфэнь был уверен, что не умрёт.

По крайней мере не от их рук.

Цзян Цзинсин — это отдельный разговор, ничто в мире не может заставить святого подчиниться, даже Моло.

Значит, в моём отце и во мне есть что-то, что заставило Лу Биньфэня поверить, что я не убью его.

Он легко дёрнул за шёлковый шнур, свисающий с полога.

Несколько жемчужин скатились в хрустальный абажур лампы, засияли ярким светом.

Комната наполнилась светом.

Се Жунцзяо закрыл глаза, следуя за спиралью благовоний, медленно разбираясь в своих мыслях.

Дым, выходящий из пасти мифического зверя, окутал драгоценный ручей на курильнице, поднялся на нефритовую скалу и остановился на золотой беседке. Его ресницы дрогнули, как крылья бабочки или ворона.

Наконец он понял, что было не так сегодня.

Если вернуться немного назад, в тот момент, когда они схватили Лу Биньфэня в Янчэне и допрашивали его, Лу Биньфэнь солгал им.

По крайней мере он обманул Цзян Цзисина.

Тогда он дал объяснение происхождению демонической энергии на госпоже Вэй и событиям в городке Фулай, которое звучало достаточно правдоподобно.

Однако они упустили один вопрос, Лу Биньфэнь упустил один факт.

Возможно, он намеренно не сказал.

Та странная демоническая энергия в Янчэне, которая помогла им обнаружить следы Лу Биньфэня и которая позже казалась почти самоубийственной.

Это была не ошибка Лу Биньфэня, а намеренно оставленная им зацепка.

Что касается Се Хуа, которого Лу Биньфэнь легко выдал, он, вероятно, был связан с Западной Пустошью, но Моло, возможно, не был так искренен в этом деле, играя роль пешки, которую можно было легко пожертвовать.

Се Жунцзяо не хотел срывать последнюю завесу.

Иногда нежелание уже является ответом.

Моло хотел вторгнуться в центральные земли, не считаясь с бесчисленными жертвами среди народа, свергнуть династию Чжоу. Кому это выгодно больше всего?

Кто больше всего выиграет от смерти Се Хуа, который управлял значительной частью дел семьи Се?

Кто больше всего выиграет от потери ценного помощника Се Тинбая?

Дым от беседки тихо рассеялся в комнате, оставив лишь свежий аромат, проникающий в ноздри.

Удивлённое выражение лица Лу Биньфэня стало понятным.

Се Жунцзяо сжал одеяло так сильно, что его костяшки побелели, а вышивка порвалась.

Цзян Цзинсин знал об этом?

Он, конечно, знал. Се Жунцзяо ответил себе.

Что он думает обо мне? Думает ли он, что я с самого начала всё знал и молча вёл его к поверхностной истине?

Думает ли он, что я использовал его, как священный меч, чтобы добиться своих целей?

Что он думает обо мне?

Одеяло превратилось в клочья, разлетаясь, как снежинки.

Они обрушились на Цзян Цзисина, который только что вошёл в комнату.

Он увидел Се Жунцзяо, сидящего на кровати с мрачным выражением лица, глаза холодные, как река.

Они действительно были на одной волне.

Поэтому, прежде чем Се Жунцзяо успел сказать: «Завтра я вернусь в резиденцию правителя, чтобы отказаться от титула наследника», Цзян Цзинсин уже поднял его.

Се Жунцзяо не жалел о потерянном титуле наследника.

Этот титул по праву принадлежал Се Жунхуа.

Его беспокоило другое.

Он мог отказаться от титула наследника, это было правильным решением.

Но от некоторых вещей отказаться было невозможно.

— Давай, Аци, я покажу тебе одно интересное место.

Иногда объятие стоит больше, чем тысячи слов.

Я не один, подумал Се Жунцзяо.

Не быть одному — значит не сталкиваться с одиночеством и растерянностью, когда приходится принимать решения.

Даже в самый сильный дождь двум людям с одним зонтом легче, чем одному. Двое могут согреться у огня, а не сидеть в одиночестве всю ночь, рассказывая свои мысли только луне.

Место, о котором говорил Цзян Цзинсин, было вершиной горы рядом с усадьбой.

Сложно сказать, было ли это действительно интересное место, но он выбрал момент, когда Се Жунцзяо не был в настроении спорить.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16198/1453566>